

Взгляд на эпоху: диалог М. Ерговича и С. Басары в книге «Всякая всячина»

В 2014 г. в Сербии вышла в свет «Всякая всячина» («Tušta i tma»), книга, созданная на основе e-mail-переписки М. Ерговича, боснийского и хорватского поэта, писателя, эссеиста, и С. Басары, сербского писателя, драматурга, колумниста и эссеиста, ставшая здесь одним из первых весьма успешных проектов подобного жанра. Участники этого литературного «дуэта», родившиеся в социалистической Югославии представители двух народов, отношения между которыми после ее распада трудно назвать дружественными, на личном примере показали возможность и продуктивность художественного диалога.

Светислав Басара родился в 1953 г. Баиной Баште в западной Сербии, получил известность в 1990-е гг. после публикации романа «Сказ о велосипедистах» («Fama o biciklistima», 1987), является одним из самых плодовитых сербских писателей, практически каждый год на его родине и за ее пределами выходит минимум одна его книга — роман, сборник рассказов или эссе. Его произведения переведены на английский, французский, немецкий, венгерский, болгарский, итальянский, испанский и македонский языки. Басара известен и как публицист: он ведет популярную колонку в ежедневной газете «Данас». В 2001–2005 гг. писатель был послом Союзной Республики Югославия на Кипре; именно годы, проведенные вдали от родины, по его мнению, позволили «многим вещам в стране стать более понятными»¹.

Работы Басары отмечены рядом литературных премий. За роман «Сказ о велосипедистах» он получил свою первую на-

граду — хорватскую литературную премию Металлургического комбината Сисак, которая с 1976 по 1990 гг. была частью масштабного проекта развития сотрудничества рабочих и творческой интеллигенции «Фабрика наследия» («Tvornica baštine Željezara Sisak»). В 1992 г. роман «Монгольский комод» («Mongolski bekeder») был отмечен премией издательства «Нолит», в 2006 г. лучшим романом года по версии журнала «НИН» становится «Рост и спад болезни Паркинсона» («Uspon i pad Parkinsonove bolesti»), этот же роман в 2007 г. удостоен премии «Лаза Костич» за лучшее литературное произведение, а в 2008 г. получил премию Национальной библиотеки Сербии как самая читаемая книга года. Роман «Ангел убийства» («Anđeo atentata») получил награду «Исидора Секулич» за лучшую книгу 2015 года, а роман «Лестница ужаса Андрича» («Andrićeva lestvica užasa») — награду «Душан Васильев» за лучшую книгу года, написанную на сербском языке, в 2016 г.

Д. Албахари, сербский прозаик и переводчик, так пишет о дебютном романе С. Басары: «Мне подумалось, что двадцать лет назад я не был готов к появлению „Сказа о велосипедистах“. До этого Басара напечатал свои первые рассказы и романы, а я в сборнике „Фебрильные судороги в сарае“ („Fras u šipri“) опубликовал рассказ „Светислав Басара берет интервью у Самюэла Беккета для третьей программы радио Белграда“. Уже ранние романы Басары свидетельствовали о его писательской силе, о склонности к постмодернистской игре с формой и содержанием, к абсурду, что является отличительными чертами его творческого метода, но ничто не предвещало такого большого скачка [...] После выхода „Сказа о велосипедистах“ сербская проза изменилась, стала другой, Басара стал другим писателем, а я другим читателем»².

Художественный метод Басары основывается на иронии, парадоксе, игре слов, цитировании, зачастую он будто «пародирует сам акт письма»³, намеренно лишая свои произведения универсального смысла. В своих произведениях, как в прозе, так и в драме, он остро критикует общество, современную политическую и культурную жизнь, традиционное восприятие литературы с его попытками найти единственно вер-

ный смысл произведения. Многие свои размышления автор доводит до абсурдной крайности, такие зачастую нелогичные преувеличения — еще одна яркая черта художественной манеры Басары. Его стиль — «немилосердная гиперболизация и сатиризация»⁴, высвечивающая пороки общества (политика, культура, конформизм, общество потребления и т. д.). Многие исследователи творчества сербского писателя относят его к постмодернизму, ссылаясь как на формальную организацию текста (фрагментарность, нарушенный хронотоп, создание эффекта недостоверности и др.), так и на тематику, в том числе на авторское отношение к истории. В романе «Веселые мелодии» («Loony tunes», 1997) с подзаголовком «Маниакально-параноидальная история сербской литературы 1979–1990 гг.» ярко выражено отношение Басары к истории, которое так или иначе присутствует во всех его предшествующих и последующих произведениях: история для него лишь попытка человека стать богом и управлять ходом событий, что невозможно. Поэтому историческое время — пустая формальность, ведь существование причинно-следственных связей между историческими событиями недоказуемо, это лишь череда по сути повторяющихся событий. Эта концепция находит выражение в художественных текстах: автор проводит, на первый взгляд, неожиданные параллели между событиями, относящимися к разным историческим эпохам и регионам. Романы «Ангел убийства» и «Лестница ужаса Андрича» — яркие примеры пародийной литературы. Первый вышел с подзаголовком «таблоид», это роман о бессмысленности истории, истории, понимаемой как таблоид, о разрушительной силе национализма, тесной связи европейской культуры и варварства, о темных сторонах прогресса: эрцгерцог Франц Фердинанд с того света диктует секретарю свою версию собственного убийства, его причин и последствий. Сам Басара не относит себя ни к одному из литературных направлений, по его словам, он серьезно подходит к работе над прозой и эссе, тогда как драмы создает скорее для развлечения⁵.

Миленко Ергович родился в Сараево в 1966 г., закончил там университет по специальности филология и социология.

С 1994 г. постоянно живет в Загребе. В 1990-е гг. в качестве журналиста начал сотрудничать с газетой «Еженедельная Далмация» («Nedjeljna Dalmacija»), затем стал заместителем главного редактора. Первый, самый известный и успешный, сборник рассказов о хаосе, выживании и смерти в осажденной столице Боснии — «Сараевское Мальборо» («Sarajevski Marlboro») — вышел в 1994 г. Книга была переведена на иностранные языки, принесла автору международное признание и в 1995 г. награждена Международной премией за мир имени Э.М. Ремарка (Оснабрюк). Ранее за сборник стихов «Обсерватория Варшава» («Opservatorija Varšava») Егрович в 1988 г. получил литературную премию «Мак Диздар» за лучший неопубликованный дебютный сборник стихов, в 1990 г. — награду Веселко Тенжера за журналистскую деятельность, в 1994 г. — награду «Ксавер Шандор Джальский» за лучшее опубликованное прозаическое произведение года (за «Сараевское Мальборо»), в 2003 г. Международной итальянской премии «Гринцане Кавур» за лучшую иностранную книгу был удостоен сборник рассказов «Мама Леоне» («Мама Leone»), в 2007 г. боснийско-герцеговинскую награду «Меша Селимович» за лучший роман получил роман «Рута Танненбаум» («Ruta Tannenbaum»). За фильм «Buick Rivera» (2009), снятый совместно с известным хорватским режиссером Гораном Рушиновичем, Басара был награжден премией Матицы Хорватской за вклад в литературу и искусство.

До 2001 г. Егрович вел колонку «Читаем историю» («Istorijska čitanka») в боснийском журнале «Дни» («Dani»), пишет об актуальных политических, социальных и спортивных событиях в Хорватии для хорватского «Утреннего листа» («Jutarnji list»), для сербской «Политики» («Politika»), сплитского еженедельника «Feral Tribune», с 2000 г. и для еженедельника «Глобус». Его произведения публикуются не только в Хорватии, но и в Сербии и Черногории. Многие его произведения переведены на итальянский, французский, немецкий, английский, испанский, каталонский, португальский, шведский, финский, голландский, болгарский, венгерский, македонский, словацкий, литовский, белорусский, польский,

чешский и словенский. Действие большинства произведений Ерговича развивается на просторах бывшей Югославии, за исключением романа «Buick Rivera», который повествует о встрече беженца из Боснии и беженца из Сербии на американской земле. В центре внимания писателя — обычные люди, «маленькие» события повседневности, которые являются своеобразным фоном для размышлений о Балканах, их истории и современности. Основной темой его прозы является гражданская война в Боснии, ее причины и последствия. Лирический герой Ерговича — человек-чужак, утративший свой дом и так и не нашедший нового, герой в вечном поиске метафизического дома: «Ах, Загреб, Загреб — это город, где всегда найдет-ся кто-то, кто напомнит мне хотя бы раз в неделю, что я не из Загреба. Когда-то меня это задевало, но со временем человек ко всему привыкает. Если бы мне не припоминали, я бы и не знал, что вполне можно быть ниоткуда. С тех пор как я перестал быть из Сараева, а я уже несколько лет как перестал, меня не покидает ощущение, что я в этом городе ниоткуда, ведь раз в неделю мне кто-то указывает на это»⁶. Чувство утраченного дома — постоянный мотив творчества Ерговича, позволяющий ему раскрыть такие темы, как бег от прошлого, поиск идентичности, показать закрытость общества (как правило хорватского). С.Л. Удиер, хорватская исследовательница, выделяет три тематических круга в прозе Ерговича: первый относится к повседневной жизни людей в прошлом или настоящем (сборники рассказов «Сараевское Мальборо» и «Мама Леоне»), роман «Buick Riviera»); второй содержит черты автобиографизма или псевдоавтобиографизма и касается детства, происхождения, существования лирического героя («Сараевское Мальборо», «Каравань», «Мама Леоне»), романы «Отец» и «Род»); третий круг — «историко-социологический»⁷, касающийся в первую очередь социальных явлений прошлого и современности (романы «Рута Таннанбаум», «Отец»). Многие мотивы и даже герои Ерговича перемещаются из одного произведения в другое, присутствуют в его публицистике. Весьма показательна позиция писателя по поводу краха СФРЮ, он считает, что «СФРЮ в культурном смысле не толь-

ко не распалась, но и не может распасться даже с помощью самого страшного национализма»⁸.

«Всякая всячина» продолжает традицию публикации личных писем и дневников писателей с той разницей, что письма Ерговича и Басары — электронные, были опубликованы в виде книги сразу же по окончании трехлетнего эпистолярного диалога писателей (сербский еженедельник «Данас», где Басара ведет колонку, заказал эту переписку, которая изначально должна была стать приложением к одному из специальных выпусков⁹). Для хорватского автора это уже вторая «книга писем»: в 2009 г. в свет вышла его «Трансатлантическая переписка» («Transatlantic mail») с поэтом Семездином Мехмединовичем, сараевским близким другом, ныне живущим в США, дополненная фотографиями известного фотохудожника Миломира Ковачевича-Страшного, они служат иллюстрациями к дискуссиям об осаде Сараева, первых выборах, общественных протестах и манифестациях.

Книга создавалась в 2010–2013 гг., вышла в 2014 г., ее успех был столь велик, что в течение года «сербско-хорватская переписка» пережила еще два дополнительных издания, несмотря на то, что она занимает без малого пятьсот страниц. Успех «Всякой всячины» гарантировал в первую очередь круг затронутых тем, известность обоих писателей и, конечно, диалоговая форма. Название «Tušta i tma», вероятно, было предложено Ерговичем, который в 2005 г. участвовал в издании сборника комикс-колонок А. Зографа (творческий псевдоним С. Ракезича) с таким же заголовком.

В начале проекта авторы были едва знакомы, однако общий контекст (как исторический, политический, так и литературный, писательский) положил начало диалогу обо всем на свете. Определить жанр книги достаточно сложно, так как составляющие ее письма, с одной стороны, являются образцами эпистолярного жанра, с другой — ряд текстов можно рассматривать как небольшие эссе, мемуары, дневники, анекдоты и др. «Это, действительно, своего рода дневник, написанный по обе стороны границы, поэтому я сначала хотел, чтобы книга называлась „Байково-Батровцы” в

честь одноименного пограничного перехода между Сербией и Хорватией», — сказал Ергович в одном из интервью, добавив: «Дневники в жизни обычных людей очень ценны, так как позволяют лучше помнить собственную жизнь и таким образом дольше жить»¹⁰.

Басара пишет на сербском языке, Ергович — на хорватском с использованием боснизмов, однако оба автора используют общий для двух языков пласт лексики, что вкупе с использованием латиницы делает их переписку доступной для широкого круга читателей из Сербии, Хорватии, Черногории и Боснии и Герцеговины.

Книга состоит из пяти основных частей: «Старые письма», «Зима», «Весна», «Лето» и «Осень» и небольших библиографических справок об авторах. Первое письмо датируется 21.09.2010, последнее — 08.09.2013, однако между окончанием части «Старые письма» и началом «Зимь» проходит около двух лет. Первые послания начинаются с дружеских приветствий и обращений («Эй, дорогой Басара, пришло время переписываться!»¹¹, «Дорогой Миленко!») и заканчиваются теплыми пожеланиями («Всего наилучшего!», «С приветом!», «Будь здоров!» и др.). В дальнейшей переписке авторы все чаще отказываются от устоявшейся эпистолярной формы, ведут живой диалог, при котором одно письмо будто «перетекает» в другое: «Да, конечно, ты прав» (34), «Знаешь что, Басара, я думаю...» (43), «Ты говоришь, они хотели, чтобы ты...» (106), «Ты говоришь, дорогой Миленко, что...» (125), «Ну вот видишь, ты путешествовал по...» (188). Часть посланий начинается с описания недавних событий и впечатлений (поездки, встречи с друзьями, посещение родных), что позволяет согласиться с сербскими журналистами, окрестившими «Всякую всячину» «дневником в четыре руки»¹². Ергович в конце каждого письма ставит инициал «М», Басара же зачастую оставляет письмо без подписи, будто приглашая собеседника продолжить разговор с этой самой мысли, или же ставит точку в какой-либо из обсуждаемых тем, подписываясь «Б» или «Бас».

В первом e-mail-е Ергович предлагает переписываться с помощью файлов во вложении, а не в теле электронного

письма: «Мне немного действует на нервы жанр открытых электронных писем, их редуцированное правописание, написание каждого слова с маленькой буквы... А если ты не пишешь по таким правилам, то чувствуешь себя немного сумасшедшим, как если бы ты пришел на панк-концерт в смокинге» (10). Басара, соглашаясь, отвечает, что не до конца понимает орфографию, поэтику и эстетику e-mail-ов и смс, которые будто «сужают» время, однако добавляет, что при этом бессмысленно сопротивляться прогрессу, так как «все попытки остановить время — а на Балканах это государственная политика — заканчиваются его ускорением» (14). Так, постоянно переходя от частного к общему, от общего к мелочам, от личного к общественному, от смешного к серьезному и обратно, авторы затрагивают самые разнообразные темы: современное состояние языка, сербская и хорватская литературы, творчество, балканская картина мира, военные действия в Сараево и бомбардировка Белграда, религиозность, национальное и анациональное, последствия распада Югославии, религиозный фундаментализм, демократия, войны, ЮНА, феминизм, ЛГБТ-движение, турбо-фолк, смерть, семья, дружба, одиночество, футбол, телевизионные шоу, приватность, путешествия и многое другое. Части «Старые письма» и «Зима» тематически более злободневны, в остальных разделах книги круг тем уже, они более личностные, частично повторяются.

На первых страницах Ергович поднимает тему религиозного фундаментализма, ссылаясь на то, что в современном западном обществе исламский фундаментализм — большой вопрос. Он пишет, что нет ничего опаснее, чем «люди одной книги», будь то Библия, Коран или любая другая: «Одна книга — предцивилизационное состояние, так как любая цивилизация начинается со второй книги» (15); Басара, продолжая эту мысль, добавляет, что «современный фундаментализм [...] — потребность все время заполнить единым содержанием, и неважно, из чего оно состоит — из религиозных догм или же из развлекательных программ [...]. На любом канале по окончании передачи на экране появляется ведущий

или ведущая и озорно говорит: „Оставайтесь с нами” — вот сама суть фундаментализма» (17). Позже похожие мысли прозвучат в обсуждении современной политики Сербии, которая строится уже не на одной книге, но на одном слове: «сербские политики годами повторяют, что они НИКОГДА не признают Косово. Это слово НИКОГДА страшное, но не потому, что оно определяет время непризнания Косова или определяет сербскую национальную упертость. Оно страшное потому, что такие слова становятся причиной бесконечных страданий и мучений» (109), — пишет Ергович.

Значительное место в переписке хорватского и сербского авторов занимает обсуждение почти векового конфликта между их народами, прошедшего несколько этапов: так, в 1930-е гг. сформировалось хорватское движение усташей, ставшее реакцией на сербскую гегемонию в королевстве Югославия, участники этого движения в 1934 г. убили сербского короля Александра; после оккупации территории Югославии фашистскими войсками было создано Независимое государство Хорватия, ставшее союзником Германии и стремившееся к изгнанию или истреблению нехорватского (в том числе сербского) населения; в 1990 г. были внесены изменения в конституцию и Хорватская республика была провозглашена мононациональной, в ответ на это была образована Сербская автономная область Краина, которая в 1991 г. по результатам референдума должна была выйти из состава Хорватии и присоединиться к Республике Сербской, хорватские власти стремились воспрепятствовать этому, что положило начало военным действиям, бóльшая часть территорий была возвращена в состав Хорватии в рамках военных операций «Молния» и «Буря» в 1995 г., остальные территории вернулись в состав Хорватии в 1998 г. при содействии ООН. Последний этап конфликта сопровождался кровопролитными боями, этническими чистками и массовым переселением нехорватского населения. Объективно эти события не часто освещались в сербской и в хорватской литературе, в основном тема югославской войны 1990-х гг. встречается в форме ретроспек-

ции. Интерес к трагическим эпизодам недавнего прошлого со стороны национальных авторов возрастает в 2010-е гг. В переписке Ерговича и Басары эта проблематика в большей степени волнует хорватского прозаика. Он стремится понять причины столь острого противостояния некогда близких народов; не зря же западные историки называют предшествующий период сербско-хорватских отношений «тысячелетней дружбой»¹³. Ергович считает, что до середины XIX столетия у народов, населяющих Балканский полуостров, не было оснований для национальных разногласий, однако именно в это время в данный регион проникли идеи национализма, которые, в свою очередь, и стали фундаментом для формирования наций. Полвека потребовалось для укоренения этих идей, создание общего государства спровоцировало их столкновение, приведшее к многочисленным кровопролитиям, история которых насчитывает чуть менее ста лет. Ергович также иронизирует над современной хорватской исторической наукой, ведущей отсчет противостояния сербов и хорватов с момента принятия разных религий, и «при этом, конечно, именно сербы резали, и резали они хорватов» (34). В последующих письмах он неоднократно будет приводить цитаты из выступлений политиков, журнальных статей, телепередач и даже просто из заголовков спортивной рубрики, в которых явственно прослеживаются антисербские настроения. Причиной этого, по его мнению, служит то, что «хорваты — хорваты только по одному признаку — по ненависти к сербам, или по тому, что они не сербы. Хорваты в национальном смысле — антисербы. Если бы однажды сербов не стало, хорваты бы не знали, кто они. Или сами бы тогда стали сербами» (70).

Басара рассуждает более общими категориями, он считает, что в современном мире сочувствие и солидарность существуют исключительно в форме массовой истерии, вызванной манипуляциями СМИ: «Важно, серб ты или хорват [...], а что вы Миленко или Басара, так это, друзья, дело ваше, и не стоит на этом сильно акцентировать внимание. Вам позволено найти удобную позицию внутри хорватской / сербской

колонии многоклеточных организмов» (99). По его мнению, национальная (и вообще коллективная) идентичность — утопия. Сербь и хорваты существуют, они различаются, но как только (как это происходит в сербском / хорватском случае), выделение этих различий ложится в основу политической или идеологической программы, оба народа становятся похожи как две капли воды, и все различия сводятся к кириллице / латинице и католицизму / православию. Басара также указывает на то, что события 1990-х гг. все чаще становятся аргументами (за неимением иных) в нынешних политических играх, массовые смерти превращаются в политический капитал, все чаще используется довод «они нас резали» (79), чем выше число убитых, тем активнее те, кого «резали», требуют к себе особого отношения и привилегий. Сербский писатель ставит вопрос иначе: «Почему мы сами себя резали?» По его мнению, «национализм 1990-х гг. [...] немного успокоился, но мы еще не выбрались из этой ямы. Ямы, из которой произрастают самые разнообразные абсурдные вещи. Здесь все еще существует определенное количество людей, которые твердо убеждены в том, что господь Бог по национальности — серб, а пару лет назад в Загребе я увидел вывеску с надписью „Хорватские цветы”» (30–31). Ергович же ниже приведет ряд доказательств того, что хорватский национализм стал чуть ли ни нормой общественной жизни: проезжая мимо поста дорожной полиции на подъезде к Загребу, он увидел плакат с надписью «Сербов на вербь»*, который представители полиции даже не подумали снять. «Дождь, легкий фашизм, лицемерие и война против кириллицы. Так сегодня, дорогой Басара, выглядят Загреб и Хорватия» (475). Хорватский писатель убежден, что западный мир стремится «помирить» народы бывшей Югославии, убрав стену непонимания, разрешив споры и разногласия, как это с тем или

* Один из шовинистических лозунгов, используемых сербофобами. Взят из названия стихотворения словенского политика М. Натлачена, опубликованного в люблянской газете «Словенец» 27 июля 1914 г. на следующий день после того, как Австро-Венгрия объявила войну Королевству Сербии; впоследствии лозунг хорватских и боснийских националистов во время Второй мировой войны, после Югославской войны 1990-х гг. встречается в виде граффити преимущественно на территории Хорватии.

иным успехом сработало в американском конфликте белых и черных. Однако этого невозможно достичь, так как, по его мнению, проблема балканских славян заключается в первую очередь в том, что между ними нет и никогда не было настоящей дистанции, и ожесточенное противостояние держится исключительно на мелких, незначительных различиях, раздутых до невероятных масштабов.

Если Ергович едко высмеивает современную хорватскую политику, приводя конкретные цитаты, примеры из жизни, засыпая собеседника подробностями, то Басара чаще рассуждает более общими категориями, например, критикуя сербский национальный характер, проявляющийся как в бытовых ситуациях (например, невозможность молча ехать в купе поезда или меньше общаться с родственниками), так и в значимых событиях современной сербской истории. Вспоминая убийство сербского премьер-министра З. Джинджича*, он пишет, что тот «с нейрохирургической точностью определил настоящие сербские проблемы» (71): что в Сербии никогда и ничего не меняется, потому что никто не видит ее такой, какая она есть, Сербия — недоделанное государство и после его создания никто так и не взялся за его отделку, что Сербия всегда находится вне своих границ — у нее всегда есть утраченные территории. Только по прошествии 10 лет со смерти Джинджича становится ясно, что он был идеалистом: «Ему, человеку блестящего ума, должна была быть известна сила вековой, уже закостенелой сербской идеологии праздности, беспорядка и борьбы с реальностью и мировой историей» (72). Зная, что рискует, он попытался изменить страну и заплатил самую высокую цену — жизнь, так и не преодолев сопротивление народа. Фигура Джинджича важна для Басары, автора, быстро и остро реагирующего на происходящее на сербской политической арене как в своей журналистской деятельности, так и в художественном творчестве. Судьба Джинджича для

* Убийство премьер-министра Сербии Зорана Джинджича неизвестным снайпером было совершено 12 марта 2003 г. в холле Дома правительства Сербии в Белграде.

него — луч света в темном царстве невежества, в одном из своих интервью он заметил: «...не было стремления, желания, готовности, что-то радикально изменить. Изменить саму матрицу. И не только у политиков. Я не знаком с молодыми, но и в старой гвардии, кроме покойного Зорана Джинджича, по пальцам можно пересчитать людей, которые вообще имеют понимание, что такое государство. Для подавляющего большинства и сегодня — это культ, что-то, что приносит силу»¹⁴. В ответном письме Ергович вспоминает небольшой эпизод из видеозаписи убийства премьера, в котором полицейский, обеспечивавший (но не обеспечивавший) безопасность Джинджича, кричит на водителя проезжающего мимо автомобиля и истерично машет руками. Этот кадр стал для Ерговича своего рода метафорой бессилия и потерянности. «Та Сербия, в которой убили Джинджича, и поныне стоит, застывшая в момент его смерти. Она так и будет стоять, я полагаю, до следующего исторического события. Снова катастрофического. Другая Сербия, та, которой убийство не касается, проживает сейчас свое прошлое и только время от времени меняет дизайн, чтобы нравится богатому миру, чтобы его не пугать» (75). И для серба Басары Сербия (и шире, бывшая Югославия), которой смерть Джинджича непосредственно «касается», отнюдь не идеальна: того, кто был гоним за свои взгляды, убеждения, свою инаковость, родина оценила посмертно — к десятилетнему «юбилею» убийства премьера все газеты кинулись писать хвалебные, жалостливые и одновременно гордые тексты о великом национальном политическом деятеле. Та же деформация произошла с восприятием деятельности Э. Коцбека* или творчества Д. Киша**.

Говоря о литературе, Ергович пишет, что уже более 20 лет наблюдает, как Хорватия превращается в страну без «живой» истории, без языка и культуры: «Все хорватские

* Эдвард Коцбек (1904–1981) — словенский поэт, прозаик, драматург, общественный и политический деятель.

** Данило Киш (1935–1989) — югославский и сербский поэт, прозаик, драматург.

писатели давно умерли — кажется, что этот мор произошел 30 мая 1990 г., когда Туджман пришел к власти, или это случилось гораздо раньше» (100). Современная хорватская культура, по его мнению, стремиться в первую очередь угодить властям, искусственно создавая национальные мифы и излишне «хорватизируя» язык. Последние несколько лет в Хорватии не публикуют критических статей, т. к. это противно либеральному капитализму. Современная культура вообще, пишет Ергович, испорчена технологиями: камера в мобильном телефоне многократно мощнее тех камер, которыми были сделаны лучшие снимки XX в.; у каждого есть возможность снимать фильмы, но с каждым годом стоящих кинокартин выходит все меньше. Культура стремительно глупеет и национализируется: элементы турбо-фолка, реалити-шоу и ток-шоу, югоностальгии, язык смс проникают в беллетристику и девальвируют ее. В одном из писем он делится впечатлениями от встречи европейских писателей в Риме: большинство участников говорило не о своем творчестве, а о Европе и ЕС, их современности и будущем, без давления, по собственному желанию, исключительно благодушно и хвалебно, что напомнило ему мероприятия времен СССР и СФРЮ. Показательно, что современные писатели «демонстрируют, что могут говорить так же хорошо, как политики» (80–81), — иронично заключает Ергович. С ним тут же соглашается Басара, заявляя, что уже некоторое время игнорирует подобные европейские писательские встречи, так как это «настоящие фестивали стерильности, если не сказать имбецильности» (83).

Подобное чувство стерильности Басара испытал, путешествуя по Канаде, в которой нет жизни в европейском понимании: повсюду развешены регулирующие, предупреждающие или запрещающие знаки, все, даже частная жизнь, вплоть до выбора домашнего питомца, здесь регламентировано жесткими правилами. Канадский образ жизни также заставил сербского писателя задуматься, о чем пишут канадские авторы и что может заинтересовать канадского читателя, живущего по строгим предписаниям в инди-

видуалистическом раю. В ответ Ергович заметил, что современное литературоведение уже частично подчиняется правилам этого нового мира и через каких-то десять лет критические статьи об их с Басарой романах будут выглядеть исключительно как калькуляция соотношения женских и мужских образов в соответствии с инновационной парадигмой читательского успеха. В отличие от современной литературы, которая гонится за тиражами, удовлетворяя спрос массового (недалекого) читателя, классическая литература дает авторам книги пищу для размышлений: на страницах «Всякой всячины» упоминаются классики югославской литературы Д. Чосич, М. Црнянский, М. Крлежа, И. Андрич, Б. Пекич, Д. Киш и др. Ергович полемизирует с Чосичем, приводя его слова о том, что сербы побеждают в войне, но проигрывают в мирное время, он пишет: «мы все начали это цитировать... Никто позднее не подумал, не пришел к тому, что все, вообще все, победители в войнах становятся проигравшими в мирное время. Так и должно быть, иначе и быть не может» (108); «Добрица Чосич опять не прав, ведь он меряет победы и проигрыши нашими местными и локальными мерилками, поэтому он и считает, что хорваты — победители. А может, и словенцы» (там же).

Авторы сохраняют особенности своих художественных стилей в переписке. Басара комментирует реалии современного мира, используя ироничные и саркастические эпитеты, предлагая радикальные идеи, изредка используя обценную лексику, проводит неожиданные параллели, прибегает к гиперболизации. Его письма напоминают живую речь: он использует многочисленные обращения, вводные слова, отсылки к словам оппонента, повторы, знаками препинания маркирует паузы в речи. Авторское «я» Басары во «Всякой всячине» ближе всего к его публицистическому «я». Ергович, время от времени соглашаясь с собеседником, все же избегает слишком категоричных заявлений, чаще прибегая к аллюзиям и сравнениям. Он чаще обращается к собственному опыту, так, например, вспоминает похороны матери, посещение Сараева после снятия осады

и т. д. Язык Ерговича меняется в зависимости от темы дискуссии: в кратких письмах он будто поддается влиянию Басары, используя приемы, характерные для устной речи, в других письмах может, рассказывая о других людях, занимать позицию безоценочного повествователя или, напротив, говоря о собственном опыте, перевоплощаться в лирического героя собственных автобиографических романов. Эти различия ясно ощутимы, например, в рассказе о семье.

Ергович: «Я единственный ребенок в семье, родители умерли, умер и брат матери, мой дядя, у отца не было братьев и сестер, мертвы, все, кто меня знал в то время [детство в Сараеве], так что с определенного момента я сам себе свидетель. Больше нет никого, кто бы знал, о чем я говорю, когда рассказываю о себе. Большинство людей, как мне кажется, переживают это в более позднем возрасте, в возрасте, когда у них все умирают, вся кровная родня. А со мной, вот, это случилось сейчас» (67). Басара: «Члены семьи здесь понимаются как части многоклеточного организма, как почки на стеблях самых разных Янковичей и Марковичей. Мы должны держаться вместе любой ценой, это девиз практически каждой нашей семьи. Из этого проистекает много зла, включая и врожденную склонность к национализму. Мы же знаем, что когда что-то „любой ценой“, эта цена в конце концов рванет» (68).

Оба автора, начинавшие свой творческий путь в рамках общегославского культурного и литературного пространства, ныне вынуждены искать свое место в литературах суверенных государств, границы между которыми для собеседников до сих пор сугубо географические и политические: «...мы оба, и все наши ровесники, жили в то время, когда литературой на родном языке считалась та литература, которую мы лингвистически и культурологически воспринимаем как свою. После того как война разделила наши страны, возникла необходимость это изменить. Значит, однажды утром мы должны были проснуться с осознанием, что некоторые наши писатели, хорошие или плохие, стали иностранными. А так, друг мой, не бывает. [...] Это касается не только литературы. Интересно, как это будет

выглядеть для новых поколений, начиная с тех, кто родился после 1991 г. Станет ли для них все то, о чем мы говорим, чужим?» (27), — пишет Ергович.

Об успешности первой сербско-хорватской книги-диалога свидетельствует выход в 2015 г. ее продолжения под заголовком «Второй круг» («Drugí krug»): Басара и Ергович вновь обсуждают актуальные вопросы современности, среди которых терроризм, Европа и Россия, индивидуальная и коллективная память, пространство и время, история и ее интерпретация и многие другие.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 URL: <http://www.vreme.com/cms/view.php?id=351305/> (дата обращения 10.12.2017).
- 2 URL: <https://dereta.rs/9d4a8616-38aa-405a-8a29-3214e44a86ea/Fama-obiciklistima-III-izdanje.aspx#.WicViVl-po/> (дата обращения 10.12.2017).
- 3 *Antić A. Ž. Odnos prema stvarnosti u stvarlaštvu Svetislava Basare // Zbornik za jezike i književnosti Filozofskog fakulteta u Novom Sadu. 2012. № 2. S. 262.*
- 4 URL: <https://www.oslobodjenje.ba/o2/kultura/osvrt-klanica-knjizevnosti-i-drustva/> (дата обращения 10.12.2017).
- 5 *Radović S. Reč po reč, književni razgovori — intervjui. Ruma, 2001. S. 32.*
- 6 *Jergović M., Mehmedinović S. Transatlantic Mail. Zagreb. S. 34.*
- 7 *Udier S. L. Fikcija i faksija: rasprava o jeziku književnosti na predlošcima teksto-va Miljenka Jergovića. Zagreb, 2011. S. 47.*
- 8 URL: <https://www.vecernji.hr/enciklopedija/miljenko-jergovic-18474/> (дата обращения 10.12.2017).
- 9 URL: <http://www.vreme.com/cms/view.php?id=1200898/> (дата обращения 10.12.2017).
- 10 URL: <http://www.vijesti.me/caffe/tusta-i-tma-cetverorucni-dnevnik-jergovica-i-basare-788310/> (дата обращения 10.12.2017).
- 11 *Jergović M., Basara S. Tušta i tma. Beograd, S. 10. В дальнейшем цитируется это же издания, номера страниц указаны в тексте, перевод сделан автором статьи.*
- 12 URL: <http://www.prelistavanje.rs/vest/prikazi/nehoticni-dnevnik-u-cetiriruke/841548/> (дата обращения 10.12.2017).
- 13 URL: <http://www.pressonline.rs/vesti/Nedeljnik/197199/milenijumsko-prijateljstvovokeovna-mrznja.html/> (дата обращения 10.12.2017).
- 14 URL: <http://www.vreme.com/cms/view.php?id=351305/> (дата обращения 10.12.2017).